

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Алтуховой Светланы Алексеевны
«Иммиграционная политика Великобритании и проблема
мультикультурализма в начале 1960-х – начале 1980-х гг.»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Нет необходимости говорить, какое значение имеют сегодня в странах Евразии и Северной Америки вопросы иммиграции. Анализ политики в этих вопросах самых разных правительств в разные временные отрезки XX–XXI вв. остаётся не просто политически актуальным. В силу многогранности рассматриваемого предмета он даёт также исследователю возможность проявить свой интеллект, продвинуть развитие науки.

С.А. Алтухова выбрала ранее специально не освещавшийся аспект проблемы иммиграционной политики британских властей послевоенного периода, который необычайно сложен хотя бы потому, что до сих пор нет общепринятого в науке определения мультикультурализма и его места в истории.

Диссертантка следует тем, кто в период упоения культурным плюрализмом в Европе заявил, что мультикультурная политика – это логичное продолжение развития либерально-демократической мысли, а поэтому является всего лишь синонимом политики интеграции по отношению к вновь прибывшим (с. 82). Но существует и вторая точка зрения, которую разделяет и самый влиятельный британский социолог Э. Гидденс: просматривается не 2, а 3 стратегии властей Соединённого Королевства по отношению к иммигрантам, и мультикультурализм является соперником не только ассимиляции, но и интеграции.

В начале 1960-х годов о мультикультурализме англичане даже не слышали – острая дискуссия по поводу него развернётся в стране лишь в 2000 г. С.А. Алтухова, однако, полагает: хотя в изучаемый период «официально политика мультикультурализма в Великобритании не была провозглашена» (с. 112), «с начала 1960-х гг. британские правящие круги выбрали стратегию интеграции без ассимиляции в контексте мультикультурализма» (с. 4). И здесь

автор прав в том, что явление может существовать без термина, его обозначающего. Права диссертантка и в том, что собственно британские теории мультикультурализма были разработаны «на рубеже 2000-х годов, но «основные (их) идеи ... были заложены ещё в 1960–1980-е гг.» (с. 103).

И всё же один из основополагающих тезисов диссертации, согласно которому «к началу 1960-х годов в Великобритании ...обозначилась четкая тенденция к мультикультурализации общества» и поворот к его «культурной гетерогенности...стал необратимым» (с. 56), не очень убедителен. Ведь, согласно данным автора, к 1960-м годам доля иммигрантов приблизилась то ли к 1 % (с. 54), то ли всего лишь к 0,25 % населения (с. 62). Такую ничтожную долю «пришлых» имеет практически любое общество, а значит, практически все общества могут считаться «мультикультурными», что лишает термин самого права на существование. И только за 20 рассматриваемых лет ситуация изменилась: в 1981 г. иммигрантов стало уже свыше 4 % населения (с. 116), в 2009 г. – более 10 %, из-за чего в 2000 г. страна и «была официально признана мультикультурной» (с. 4, 136).

Диссертация о реакции британских властей на этот процесс написана на основе достаточного круга источников, в числе которых такие авторитетные, как материалы официальных сайтов Национальной службы статистики Великобритании, службы Еврокомиссии «Евробарометр», неправительственной организации «Migration Watch UK», тексты законов и разного рода публицистические и научно-публицистические произведения (Б. Парекха, Ч. Кукатаса, Дж. Рекса и др.), которые значатся почему-то в литературе. Своими «значимыми источниками» автор называет и «международные правовые документы» 1992–2008 гг., которые, конечно, содержат «общий международный контекст» (с. 26–27), но контекст уже совершенно иного исторического периода – не 1960–1970-х гг.

Переусердствовав с использованием источников рубежа тысячелетий, С.А. Алтухова в то же время слабо задействовала издания лейбористов рассматриваемого периода. Временами одна из двух правящих партий страны –

Лейбористская (ЛПВ) – вообще исчезает из её поля зрения. Не случайно, говоря о достигнутом к 1981 г., в преддверии нового закона о гражданстве, консенсусе консерваторов и либералов (с. 127), автор вообще не упоминает о позиции «официальной оппозиции», каковой с 1979 г. являлась ЛПВ.

Широкое привлечение материалов, появившихся спустя десятилетия после исследуемого периода, привело к заметному и неоправданному осовремениванию С.А. Алтуховой изучаемого явления. Так, согласно ей, «британское правительство ... активно проводило интегративную политику иммигрантов, направленную на поддержание их культурной и этнической отличительности», в том числе в сфере образования и языковой политики (с. 158). Этот вывод подтверждается фактически всего лишь 2 фактами конца периода: переводом с 1981 г. документов на ряд языков «цветных» (с. 127) и появлением в стране в 1979 г. первой мусульманской школы (с. 144).

Во введении и заключении можно также прочесть по поводу британских «авторов»: в начале 2000-х годов они «приходят к выводу, что иммигранты и проводимая политика мультикультурализма ставят под угрозу британскую идентичность» (с. 18). Но я бы не стала применять данный вывод начала нового тысячелетия к иммиграционной политике 1960–1970-х годов, ведь он был сформулирован под воздействием опыта самого конца XX в., когда иммигранты получили право обучаться в школах на родных языках, поклоняться публично своим «богам», женщины-мусульманки – прятаться под паранджой и т.п.

Сомнения остаются и по поводу того, полностью ли применимо к 1960–1970-м годам обобщение, согласно которому «британский вариант политики мультикультурализма носил скорее символический, а не инструментальный характер» (с. 158).

Но в целом авторская концепция, согласно которой в рассматриваемый период наблюдался переход от ассимиляционных практик интеграции мигрантов к многокультурным, заслуживает внимания.

До середины XX в., говоря словами самой диссертантки, «проблема культурной неоднородности государства и вопросы согласования интересов

входящих в него инокультурных групп решались с помощью политики однозначной и односторонней ассимиляции новых членов общества посредством «насильственно насаждаемого единообразия» (с. 103); в Британии не просматривалось «ни одного реального интеграционного механизма» (с. 83). Но в 1960-х годах стало ясно, что «полное растворение «вчерашних» мигрантов в новом для них социокультурном окружении становится неосуществимой идеей» (с. 104). Такие события, как беспорядки августа 1958 г. на расовой почве, заставили правительство предпринять первые шаги по снижению межрасовой напряжённости (с. 93), и в Белой книге лейбористского правительства 1965 г., была окончательно сформулирована британская концепция интеграции «цветных» (с.94). При этом, полагает автор, «в качестве ориентира в политике по отношению к иммигрантам была принята формула “интеграция без ассимиляции”, идеологически поддержанная концепцией “культурного плюрализма”» (с. 104). В то же время не было «целенаправленной, стратегически оформленной политики по приёму и интеграции иммигрантов» – был лишь «скорее набор противоречащих друг другу политических действий» (с. 140–141).

Наибольший интерес со всех точек зрения мог представлять авторский анализ «идеологических и философских оснований интеграционной стратегии» 1960-х годов» (с. 82), а также самого мультикультурализма. Идеологически, читаем в диссертации, «британский мультикультурализм был выражен в форме общественно-политического и научного дискурса», основными идеями которого «можно назвать идеи культурного плюрализма ценностей, религий и образов жизни, идеи справедливости как равенства... “коммунитаристский тезис” о признании прав этнических групп на культурное отличие от культуры большинства» (с. 157).

Для подтверждения этого тезиса автор обращается, прежде всего, к работам американского философа и социолога Дж. Б. Ролза, считая, по-видимому, что он выдвинул совершенно новую теорию справедливости – справедливости как равенства (с. 105–107, 157). Но ролзовская теория является

новой лишь в рамках либерализма, признававшего из триединого лозунга Великой французской революции только свободу. О справедливости как равенстве, о необходимости дополнить политическую демократию производственной много говорили в XIX в. противники либералов слева. В Великобритании с 1906 г. эту тему постоянно поднимали левые лейбористы, затем ещё и коммунисты, а в рассматриваемый период – и «новые левые», набравшие силу на волне «молодёжной революции» 1960-х годов. Но об их взглядах на проблему справедливости, с 1971 г. анализируемую Ролзом, автор не упоминает, хотя по разным поводам ссылается, например, на его современника – «историка» и «эксперта» Паула Фута (с. 52–53, 69, 83). Между тем этот левый лейборист писал много и о проблеме справедливости, не говоря уже о другом Футе – тоже лейбористе, парламентарии Майкле Футе, считавшемся многими в те годы самым видным британским марксистом. Есть и ещё фигура достаточно известного британского общественного деятеля крайне левого толка, теоретика, историка, режиссёра свыше 20 фильмов – «пакистано-британца» Тарик Али, которому особенно близка идея «культурного плюрализма ценностей, религий и образов жизни». Я уже не говорю о странности заявлений автора, что «ролзовское понимание справедливости нашло своё практическое воплощение в модели “государства всеобщего благосостояния”» (с. 106), а «теория коммунитаризма» была сформулирована в 1980-х годах «в ответ на ролзовское понимание справедливости как равенства» (с. 107). В последнем случае автор сам противоречит себе, поскольку указывает, что термин «коммунитаризм» известен с 1841 г.

Но в целом С.А. Алтухова существенно расширила наше представление о причинах «распахивания» Британией в конце 1940-х годов своих дверей для иммигрантов – прежде всего из числа «цветных». В противовес широко распространённой версии этого явления она, ссылаясь на доклад Межведомственной группы Гриффитса, пишет: в стране в 1948 г. «дефицита рабочей силы не было» (с. 49); наоборот, имелась даже небольшая безработица, из-за чего уже в конце 1940-х г. «правительство искало пути сокращения и

предотвращения иммиграции из бывших колоний» (с. 59). Поэтому (помимо «политическоюй нестабильности и экономического кризиса в британских колониях») первую волну «цветной» иммиграции породило опасение, что введение иммиграционного контроля «может значительно дискредитировать статус Великобритании как главы Содружества» (с. 59, 46), а также как «антинацистского» государства (с.66). Но при этом на 9 страницах главы 1 дело упорно изображается так, будто наплыв «цветных» после 1945 г. был связан с «острой нехваткой рабочей силы» (с. 39), «людскими потерями в войне» (с. 41) и даже с необходимостью «восстановления экономики» в 1960-е годы (с. 68).

Между тем, заговорив о возникновении в Британии общества «всеобщего благосостояния», С.А. Алтухова вплотную подошла к всестороннему раскрытию причин первой волны «цветной» иммиграции (1940–1950-х гг.). Одно вступление в силу закона 1944 г. о продлении на год всеобщего школьного обучения вызвало в Британии временную острую нехватку рабочих рук. В этом же направлении, но уже порождая постоянную нехватку рабочих рук, действовало повышение уровня ожидания выпускников британских школ и колледжей, не желавших становиться дворниками либо сиделками. 174 тыс. незаполненных вакансий 1956 г. (с. 43) – это спрос именно на такой неквалифицированный труд, который сначала заполняли «цветные».

К достижениям С.А. Алтуховой следует отнести то, что она тщательно прописала изменение состава за 30 лет возникшей «цветной» иммигрантской общины Британии, специфику второй, с конца 1970-х гг., иммигрантской волны, механизм «постоянно растущего самовоспроизводящегося разнообразия» британского общества, включая иммигрантские стратегии вхождения в него типа южноазиатской стратегии «Деш-Пардеш», а также проявления «институционалистского расизма» (с. 116–124).

В связи с данными обстоятельствами, показывает диссертантка, в иммиграционной политике британского государства отчётливо стало выделяться 2 направления. Помимо «определения правил условий и объёма допуска иммигрантов», эта политика стала предусматривать также и «работу с уже

допущенными иностранцами» (с. 82). Правда, в своём заключении диссертантка противопоставила интеграционную политику иммиграционной, заявив, что британская модель мультикультурализма оказалась «основана на двух противоречащих друг другу политических линиях: в иммиграционной политике – избирательное ограничение по отношению к въезжающим, в интеграционной – открыто декларативное равенство и пресечение дискриминации в области трудовых отношений, жилищной сфере и сфере услуг» (с. 151).

Как выявила С.А. Алтухова, в 1962–1981-х г. нормативную базу британской иммиграционной политики пополнило 3 закона о борьбе с этнорасовой дискриминацией и 4 закона, касающиеся гражданства. К сожалению, последние законы: 1962, 1965, 1976 и 1981 гг. – автор почему-то интерпретирует как дискриминационные и чуть ли не расистские, называя их «ограничительными законами 1960–1970-х гг., основанными на принципе расовой исключительности» (с. 80, 159). Между тем избирательное ограничение по отношению к въезжающим давно уже является нормой для иммиграционной политики любого государства. Поэтому есть все основания трактовать данные 4 закона как нацеленные не только на ограничение притока небелых иммигрантов из стран Содружества, но и на облегчение возвращения на острова потомков британских переселенцев. Законы эти могут рассматриваться в качестве мер, направленных в условиях отсутствия естественного прироста населения островов на консолидацию нации и на преодоление разобщенности общества.

К «изъянам» работы следует отнести также искажение некоторых деталей законов 1960–1970-х гг. и предшествующего им основополагающего Акта 1948 г. В диссертации, например, можно прочесть, что понятие подданства исчезло в 1948 г. из британского законодательства (с. 57), хотя на деле в нём стало использоваться 2 понятия: и гражданства, и подданства. Жители колоний по закону 1948 г. никак не могли признаваться гражданами Содружества (с. 57), поскольку в рамках многоступенчатой структуры британской национальности (гражданства) законом было введено минимум 6 понятий гражданства, в том числе «Соединённого Королевства и колоний», Содружества, конкретной

страны Содружества. Автор пытается нас убедить, что заявление 1965 г. главы МВД Р. Дженкинса о необходимости сохранения культурного разнообразия вошло в законодательство (с. 94). Но в первом принятом после этого заявления Законе 1965 г. о расовых отношениях нет ни слова о культуре. Думаю, что и в других подобных законах 1960-х годов тоже.

С моей точки зрения, главной причиной этих и других аналогичных неточностей стал nepозволительный отказ С.А. Алтуховой от цитирования законодательных положений и замена его вольным – часто даже не авторским, а заимствованным у других – изложением сути законов. Если по отношению к закону 1948 г. это допустимо, то по отношению к Актам 1960–1970-х гг. – вряд ли.

Подвела и структура работы, отсутствие чёткой логики изложения материала. Значительная часть раздела 3.2 напрашивается в историографическую часть введения, 10 страниц из раздела 1.2 – в раздел 1.1. Диссертантка, по-видимому, попыталась выстроить материал согласно проблемно-историческому принципу, но замысел оказался реализован не в полной мере. Раздел 1.3. об изменениях в иммигрантской политике с конца 1960-х годов начинается опять с материала 1950-х годов; затем в нём анализируются законы, принятые до 1971 г., потом даётся представление о британском смысле терминов «раса», «культурный расизм», а затем вновь следует обращение к событиям 1958 г. Отсюда один и тот же исторический факт освещается во множестве разных мест, и его разные трактовка иногда вступают в противоречие. Яркий пример – освещение закона 1968 г. на с. 45, 57, 79, 92.

Среди непростительных для историка-англоведа ошибок и неточностей следует указать и то, что иммигранты из Вест-Индии упорно называются «западноиндийскими переселенцами» (с. 54), «западно-индийцами» (с. 139), словно речь идёт о жителях подводного Западно-Индийского хребта. Когда автор пишет, что Тэтчер пришла к власти в 1979 г. в условиях «ремиссии британской экономики» (с. 115), она, похоже, хочет сказать не о «выздоровлении», а о рецессии, спаде этой экономики. И уж совершенно невозможно проигнорировать «открытие» автора, что в общественно-

политическом и научном дискурсе одни обозначают иммигрантов «взятым из социологии понятием этнических (в британской реальности “расовых”) меньшинств», а другие – «термином ”низший класс”» (с.108). «Низший класс», как известно из той же социологии, на иммигрантах не замыкается.

Несмотря на хороший стиль изложения материала и грамотность автора, бросается в глаза недостаточное внимание к тонкостям языка – как русского, так и английского, Это продемонстрировано, в частности, названием главы 1. В русском языке ведь существует огромная разница между «становлением иммиграционной политики в 1960-е гг.» и «становлением иммиграционной политики 1960-х годов». Точно так же в нашем языке проводится чёткая дифференция понятий «расовый» и «расистский», ставящая под вопрос использование выражений: «антирасовые мероприятия» (с. 92), «аболиционистское движение – антирасовое» и т.п. Хотя законы о гражданстве 1948 и 1968 гг. называются по-английски одинаково: British Nationality Act (дословно: Закон о британской национальности), по-русски они в диссертации именуется по-разному. «Безродный космополит» может, конечно, называть страну своего проживания «этой страной» (с. 77). Но М. Тэтчер или парламентарий К. Хогг, которым приписывается эта фраза, таковыми не являлись.

При оформлении работы автор почему-то проигнорировал общепринятую у историков ссылку «Цит. по:» (с. 137), а многие ссылки оформил вразрез с общепринятой в нашей профессиональной среде практике. В работе, представляемой в диссертационный совет на русском языке, словосочетания «дата обращения» и «электронный ресурс» даются почему-то на английском языке: access date, electronic resource. Ссылка на материалы парламентских дебатов дважды упоминает то, что это электронный ресурс, и при этом одно из упоминаний разрывает название источника, а за числом и датой парламентского заседания стоит не конкретный год, а период в десятки, а то и сотни лет. Яркий пример такого рода сносок – сноска 3 на с. 9 автореферата или сноска 4 на с. 94 диссертации.

Но в целом перед нами самостоятельное исследование, в определённой степени обогащающее научное знание по рассматриваемой проблеме.

Исследование обладает новизной, его результаты достоверны, а положения, выносимые на защиту, обоснованны. Поэтому я склоняюсь к выводу, что диссертационное исследование Алтуховой Светланы Алексеевны «Иммиграционная политика Великобритании и проблема мультикультурализма в начале 1960-х – начале 1980-х гг.» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01 октября 2018 г.), а её автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Официальный оппонент
профессор кафедры всеобщей истории
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
(644077, г. Омск, пр. Мира, 55а; (3812) 67-01-04;
rector@omsu; www.omsu.ru),
доктор исторических наук (07.00.03 – Всеобщая
история (новое и новейшее время)),
профессор

Светлана Владимировна Фоменко
E-mail: fomenk@gmail.com

04 июня 2019 г.

